

Слово о моем друге генерале Войцехе Ярузельском

Мое близкое, что называется «в деле», знакомство с генералом Войцехом Ярузельским пришлось на крутые, переломные для Европы и мира времена. На середину 80-х годов выпал самый напряженный период холодной войны. Мощные группировки НАТО и Варшавского Договора с их частотами ядерных ракет остро противостояли друг другу. Гонка вооружений приобрела изнурительный и опасный характер. Нарастала реальная угроза ядерного апокалипсиса.

Новое советское руководство понимало необходимость основательных перемен. Становились очевидными признаки экономического кризиса. Командно-административная система исчерпывала свой ресурс. Новый политический курс, который стал известен как *перестройка*, ориентировал партию и народ в Советском Союзе на демократизацию государства и общества, ускорение социально-экономического и научно-технического развития. Основательное изменение положения дел в стране требовало также и оздоровления внешнеполитической среды, перспективного поворота на линии противостояния Восток-Запад.

Взяв курс на демократическое обновление в собственном доме, мы должны были признать свободу выбора и за другими странами. Это в полной мере относилось и к нашим союзникам по Организации Варшавского Договора.

На первой же встрече с руководителями стран – членов ОВД в марте 1985 года я от имени советского руководства заявил, что мы за равноправные отношения с союзниками, уважение суверенности и независимости каждой страны, взаимовыгодное сотрудничество. Подтверждение этих общепризнанных принципов в реальности означало полную ответственность каждой правящей партии за положение в своей стране. В этом состоял

принципиально новый поворот в наших отношениях с союзниками. Это был, по сути дела, отказ от так называемой «доктрины Брежнева», которая никогда нигде не провозглашалась, но как бы незримо присутствовала в политической атмосфере, а в 1968 году известным образом материализовалась в Чехословакии.

Проведение в жизнь нового курса в отношениях с союзными странами в сопоставлении с прошлым опытом оказалось, пожалуй, более сложным и тонким делом. Очень многое зависело от уровня и масштабов взаимопонимания и доверия «первых лиц» государственных и партийно-политических иерархий. В этой связи хотел бы особо отметить политические и личностные качества Президента Польши генерала Войцеха Ярузельского, который, на мой взгляд, проявил себя как выдающийся европейский политик второй половины XX века.

Я знаю его как абсолютно надежного политического партнера и союзника, человека совести, морали, долга. И, конечно, я узнал его как убежденного и просвещенного патриота, для которого нормальные, равноправные, дружественные отношения с Россией – это неотъемлемая часть национальных интересов Польши. Таким я узнал генерала Войцеха Ярузельского в нашем общем деле, в котором мы оказались рядом.

Мы были рядом весной 1985 года в деле сохранения уже на новых основах Организации Варшавского Договора в самый сложный, острый период холодной войны.

Мы были рядом осенью 1985 года в понимании необходимости прорыва конфронтационной блокады вокруг содружества наших стран. Хорошо помню, как активно поддержали союзники, и в первую очередь генерал Ярузельский, советские инициативы мирного дипломатического наступления с целью остановить нагнетание международной напряженности. Поддержали в практическом политическом, а не только в пропагандистском плане. Это было, кстати сказать, впервые, когда советское руководство

«сверяло часы» с союзниками не после, а накануне крупных дипломатических акций. Речь тогда шла о первой после шестилетнего перерыва встрече глав СССР и США в Женеве. Женевская встреча стала прологом, первым шагом к повороту в советско-американских отношениях, к прекращению холодной войны и началу ядерного разоружения.

На неформальных рабочих встречах в Варшаве и Софии я откровенно информировал своих коллег по Варшавскому Договору о том, почему нам в Советском Союзе необходимо обновление, что мы понимаем под ускорением развития. Вспоминаю содержательное и эмоциональное выступление Ярузельского, чувствовалась его заинтересованность в переменах, стремление к преодолению заидеологизированных табу, тормозящих реформы, готовность к выводу страны из положения «осажденной крепости».

На московской встрече руководителей государств – членов Совета Экономической Взаимопомощи в том же 1985 году Ярузельский и Кадар, как и советские лидеры, первыми выступили за новое взаимовыгодное развитие экономических отношений в содружестве, за их перевод, по сути дела, на рыночные начала.

Словом, по всем главным проблемам оздоровления международной обстановки и обновления отношений между союзниками я находил полное взаимопонимание и активную поддержку прежде всего и в первую очередь со стороны генерала Ярузельского.

И, конечно, важнейшим нашим общим делом стало обновление взаимоотношений, укрепление взаимопонимания и доверия двух наших стран. В самых первых наших встречах один на один – в Москве и Варшаве – Ярузельский выдвинул идею сближения между Польшей и Советским Союзом – Большой Россией, которую прекрасно знал и понимал. Он выступил за движение навстречу друг другу польской и российской общественности - деятелей науки и культуры, творческой интеллигенции и молодежи. Я думаю, такое встречное движение, если, разумеется, учесть

ограниченность наших тогдашних идеологических клише, было бы актуальным и плодотворным и сегодня.

Ярузельский выступил против возведенного руководством «братских стран» санитарного кордона вокруг бастующей Польши, когда польскую общественность оставляли «наедине» с теми кругами Запада, что специализировались на конфронтации с Советским Союзом, с Россией.

Я разделял эти идеи и предложения польских друзей. Как и генерал Войцех Ярузельский, я убежден: нормальные, дружественные российско-польские отношения, ценные для наших народов сами по себе, – это одновременно и положительный вклад в политический и гуманитарный климат во всей Европе.

Хорошо помню свой официальный визит в Польшу летом 1988 года, шесть лет спустя после прихода к руководству страной Ярузельского. Это было своего рода новое для нас открытие Польши. Могу свидетельствовать о незабываемой атмосфере открытости, благожелательности, готовности к диалогу, которую мы, - а со мной были Святослав Федоров, Сергей Залыгин, Чингиз Айтматов и другие известные деятели науки и культуры - встречали повсюду. На площадях и улицах Варшавы, в центре католицизма Кракове, на судоверфи Щецина, в столице шахтерской Силезии Катовице, где побывала Раиса Максимовна вместе с Барбарой Ярузельской. И буквально везде – от бесед с деятелями науки и культуры в Королевском замке до крестьянской фермы – чувствовался неподдельный интерес к тому, что происходит в России, Советском Союзе, к тому, что и как необходимо исправлять в наших отношениях, чем можем и должны быть интересны друг для друга.

Уже на самых первых наших встречах Ярузельский поставил вопрос об устранении «белых пятен» в истории польско-советских отношений, катынской трагедии в особенности. Мы вместе способствовали работе Комиссии польских и советских историков над этими тяжелыми темами.

Мне приходилось писать и рассказывать о передаче президенту Польши во время его апрельского (1990 года) визита в Москву найденных историками в архивах документов и материалов о непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии и его подручных. В официальном заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года выражалось глубокое сожаление советской стороны в связи с катынской трагедией. И заявлялось, что она – «одно из тяжких преступлений сталинизма». Тогда же по этому факту было возбуждено уголовное дело... О том, как были обнаружены документы о личной ответственности за катынскую трагедию Сталина и его ближайшего окружения, я тоже уже рассказывал и писал...

Обращаясь ко времени моего сотрудничества с президентом Ярузельским, я вижу немало общего в том, в какой атмосфере каждому из нас приходилось работать. Он, как и я, был между двух огней – между партийными консерваторами и непримиримой, если не бешеной, оппозицией. Мало кто знает, насколько тяжело удерживать «правых» и «левых» радикалов от интриг, драк и подстрекательств, а главное – от раскола общества и страны на воюющие лагеря. Надо в этой шкуре побывать, чтобы понять, что это такое и как с этим бороться.

Я думаю, выдержка и дальновидность Ярузельского позволили ему выйти на диалог за «круглым столом» с разумной, вменяемой частью оппозиции в условиях если не гражданского мира, то перемирия. К этому он пришел, сдержав острый кризис в стране и вокруг нее от непредсказуемых последствий для всей разорванной холодной войной Европы. Вынужденные чрезвычайные меры были использованы генералом Ярузельским не для возврата назад, не для нагнетания репрессий и страхов. Но для создания условий, позволивших в итоге продвинуться к национальному взаимопониманию, к экономическим и политическим реформам.

Насколько я знаю, Ярузельский и новое руководство ПОРП стремились сделать правящую партию мотором демократических перемен,

общенационального сотрудничества. Попытки не увенчались успехом. Сил и времени на это у ПОРП не хватило. Правящая партия, утратив взаимопонимание с большей частью интеллигенции и рабочего класса, утрачивала власть.

Мысль об удержании власти танками президенту Ярузельскому не приходила. Он поступил как ответственный европейский политик. Предложил в конституционном порядке провести досрочные президентские выборы. На которых, как известно, победил лидер «Солидарности» Лех Валенса. Он как-то признался мне, насколько тяжелее быть во власти, чем в оппозиции.

Мне представляется, свой долг перед Польшей и Европой Войцех Ярузельский выполнил сполна: от героического участия в боях за освобождение Отечества от германского нацизма, спасения страны от сползания в хаос и до цивилизованной передачи власти путем честных, реально альтернативных выборов.

*

Вот уже двадцать семь лет Войцех Ярузельский остается моим другом. Я благодарен ему за понимание, доверие и поддержку. Высоко ценю политическое и человеческое мужество. Помню наши содержательные беседы. Мы вместе размышляли о многом - о положении в наших странах, о том, что перестройка – это шанс для обновления социалистических и социал-демократических идей. Говорили о культурных и духовных ценностях в современной жизни. Об отношениях с Ватиканом, о папе Римском Иоанне Павле II. О соотношении сил в Европе, перспективах укрепления мира. Генерал хорошо знал, что такое современный танк и самолет, что такое ядерный щит и что может означать современная война для Европы. Словом, у нас не было запретных тем.

Для меня генерал Ярузельский – это яркое воплощение лучших национальных, гражданских и человеческих качеств поляков, друзей России, какими я их знаю и ценю многие годы и десятилетия.

Категорически осуждаю позорную травлю, которая не прекращается против него почти четверть века, протестовал против этого и даже обращался по этому поводу к польскому Сейму. Не перестаю удивляться, как можно в наше время в цивилизованной стране, в центре Европы зарабатывать политические очки такими инквизиторскими методами. Это, на мой взгляд, бесчеловечно и совсем не по-христиански, в конце концов.

Сердечно поздравляя Войцеха Ярузельского с 90-летием, горжусь дружбой с ним. Он из тех, кто остается человеком во все времена. Желая моему дорогому другу, его супруге Барбаре, всем его родным и близким здоровья, бодрости духа, новых сил и побед на всех фронтах!